

УДК 378.(470.23)
ББК 63.3(2)Ж864

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГРУППЫ В СОСТАВЕ ПРОФЕССОРОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА ¹

Т.Н. Жуковская

В Петербургском университете национальный состав профессоров был более пестрым, чем в других университетах. Среди нерусской части корпорации преобладали этнические немцы, но эта часть не была монолитна. К профессорам-немцам относились и остзейцы, получившие образование в Дерптском университете, приглашенные из Австрийской империи «карпато-россы», а также потомки петербургских немцев. Конфликты между группами проявлялись редко и в основном не выходили за рамки профессиональных.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский университет, профессора, национальные группы, приглашение иностранцев.

Социальная история российских университетов как приоритетное направление современных исследований требует изучения словесно-национального состава профессорской и студенческой корпораций в каждом отдельном университете и в контексте междууниверситетского взаимодействия. Исследования о национальных группах среди университетской профессуры чаще всего выполняются как локальные (по отдельным университетам или национальным группам) и не претендуют на комплексную оценку национальной структуры университетского сообщества. При этом дореформенные российские университеты привлекают гораздо меньше внимания, чем пореформенные. Все это справедливо для историографии как Санкт-Петербургского, так и других университетов империи [1; 3; 21; 22].

Проблема миграции европейских ученых в Россию, их перемещение между российскими университетскими городами, адаптация и деятельность все еще недостаточно изучены, прежде всего потому, что исследование горизонтальных связей между университетами требует объединения усилий историков разных университетов. Не претендуя на исчерпывающее освещение проблемы, попытаемся при-

менительно к указанному отрезку времени показать этническую структуру профессорской корпорации в Петербургском университете. Наши наблюдения строятся на систематическом просмотре делопроизводственных документов и ведомственной переписки Петербургского университета, которые хранятся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) и Российском государственном историческом архиве (РГИА). Информативны формулярные списки профессоров, дела об их приглашении, назначениях и перемещениях, журналы Конференции Педагогического института, протоколы Совета Петербургского университета, в том числе касающиеся известного «дела профессоров» 1821 года. Привлечены также законодательные документы и мемуаристика.

Приглашение иностранных профессоров являлось необходимым условием открытия в России в начале XIX в. сразу нескольких университетов. При этом были задействованы различные механизмы, обеспечившие перемещение европейских ученых в Россию: академические и бюрократические связи и знакомства, объявления в иностранных газетах, активность российских дипломатических представителей и так называемых «ученых корреспондентов» за границей, получавших жалование от Главного правления училищ.

В проекте общего устава университетов, обсуждавшемся в Главном правлении училищ,

говорилось: «Если бы открылся случай принять известного в ученом свете отличными знаниями человека в сословие университета, с тем, чтобы производить ему экстраординарное содержание, то университет относится о том рапортом к своему попечителю, который и поступает надлежащим порядком» [6, л. 49 об.]. По инициативе попечителей учебных округов и при посредничестве «ученых корреспондентов» за границей происходило укомплектование большинства кафедр в российских университетах. Соискатель места должен был представить рекомендации от известных ученых или иметь серьезные научные труды.

Приглашение в университет не обязывало кандидата принимать российское подданство, он лишь давал присягу на верность российской короне по определенной форме [17]. Те, кто оставался в России после нескольких лет службы (и таких было немало), принимали российское подданство. Случалось, кандидат много лет жил в России до поступления на службу в университет, но этот момент становился для него переходным, и именно тогда он вступал в российское подданство. Так, Ф. Видебург, приехавший в Россию в 1805 г., не считался российским подданным, но после определения в университет пожелал «принять присягу на службу России» [10, л. 9]. Француз А. Дюгур, прослужив в Харьковском университете около 10 лет, принял российское подданство и сменил фамилию на Дюгуров при зачислении в штат Педагогического института в Петербурге в 1817 году.

Обязательства российской стороны в отношении приглашенных профессоров выполнялись даже в случае их преждевременной смерти. Если даже профессор умирал вскоре после приезда в Россию, университет брал на себя материальное вспомоществование его вдове и детям. Девятого октября 1804 г. попечитель Московского университета сообщил Главному правлению училищ о внезапной кончине профессора статистики Грельмина, вызванного в этом году из Геттингена. Попечитель объяснил, что «профессор сей отличался не одними глубокими познаниями, но и редкими качествами сердца» и закончил тем, что Московский университет, «чувствуя во всей силе потерю сего славного мужа, из одной ревности способствовать распространением наук в

России оставившего Отечество, принял чело-
веколюбивые меры по обеспечению несчастной вдовы и детей ея» [7, л. 93].

Профессорская корпорация в Петербурге изначально со времен Академического университета XVIII в. делилась на русских и иностранцев, что повторяло ситуацию в других университетах. Особенностью Петербургского университета было то, что группа иностранных профессоров была в этническом отношении более пестрой, хотя, как и в других университетах, в ней преобладали немцы.

Приглашение профессоров в Петербургский университет с 1803–1804 гг. было столь же целенаправленным, как и приглашения в другие российские университеты. Подготовка к открытию столичного университета велась с 1802 г., но в 1804 г. был образован лишь Педагогический институт как «отделение предполагаемого учредить университета». В Педагогическом институте штатом было предусмотрено не 28 кафедр, как в Московском университете, не 23, как в Дерптском, а всего 4 вакансии ординарных профессоров, 3 экстраординарных и 5 для адъюнктов и учителей языков.

Выбор приглашенных зависел от связей попечителей округов и привлекательности конкретного университетского города. Петербург при его столичном статусе, наличии Академии наук имел большую привлекательность, чем другие города для иностранных ученых. Их, собственно, не приходилось сюда специально зазывать, скорее, проблемой было отсеять поток случайных людей. Уже в 1803 г. при посредничестве гоф-хирурга И.С. Орлая попечитель столичного учебного округа Н.Н. Новосильцев пригласил из университетов Австрийской империи трех профессоров славянского происхождения М.А. Балугьянского, П.Д. Лодия, В.Г. Кукольника. По своей подготовке первые двое принадлежали к школе Венского университета, Кукольник учился в Лембергской академии. Они имели докторские степени и опыт преподавания: Лодий до приезда в Россию преподавал во Львове, Балугьянский – в Пештском университете, Кукольник – в Кракове и лицее в Замостье. Все трое сравнительно легко адаптировались в Петербурге, вскоре начали читать лекции на русском языке. Кукольник был утвержден профессором физики и сельского хозяйства (совмещая две кафедры), П.Д. Лодий – профессором фи-

лософии, М.А. Балугьянский – профессором политической экономии. В мае 1803 г. указом Правительствующего сената все трое были утверждены в чине VII класса, что соответствовало должности профессора [8, л. 15, 16 об.].

Мы сталкиваемся лишь с единичными случаями целенаправленного приглашения ученых-иностранцев в столичный университет до 1816–1819 годов. При наличии Академии наук, Медико-хирургической академии, Горного корпуса, военно-учебных заведений в столице было немало собственных ученых и педагогов необходимого уровня. Поэтому, будучи полиэтничной по составу, профессорская корпорация Педагогического института и Петербургского университета состояла по большей части не из приезжих, а из местных ученых. Немцы по происхождению в ней, однако, преобладали. Среди них можно выделить несколько групп.

Первая группа, самая большая – это петербургские немцы, давно вступившие в российскую службу и постоянно жившие в Петербурге. В 1806 г. в Педагогический институт для преподавания минералогии был приглашен обербергмейстер Медер, который прежде был инспектором Горного кадетского корпуса и преподавал в нем геогнозию. Для преподавания статистики в Институт был приглашен адъюнкт Академии наук К.Ф. Герман (служивший в России с 1795 г.), для чтения лекций по химии и технологии – А. Шерер. Каждому из приглашенных было назначено по 1 тыс. руб. ежегодного жалования, сверх того последнему по 500 руб. «на корреспонденцию и опыты» [16, л. 1–2]. К этой группе можно отнести Ф.Б. Грефе, получившего образование и докторскую степень в Хемницком лицее, несколько лет преподававшего языка в Александровской духовной академии и приглашенного в Педагогический институт в 1811 году. К этой же группе относится директор Учительской гимназии и первый директор Педагогического института И.И. Кох, состоявший в русской службе с 1762 года.

Промежуточное положение занимают Э. Раупах, питомец университета Галле, приглашенный в Педагогический институт после нескольких лет пребывания в столице в поисках места, и доктор философии Видебург, окончивший Гельмштедтский университет, принятый в 1815 г. на должность адъюнкта греческой словесности. К тому времени последний

уже 10 лет жил в Петербурге, преподавал в Главном лютеранском училище при Петеркирхе, но не имел российского подданства [10].

Ко *второй группе* можно отнести прибалтийских немцев, которые, как правило, обучались в немецких университетах, но профессиональную карьеру начали в России. Среди них Ф.Ф. Миддендорф, уроженец г. Пернова Эстляндской губернии, который учился в Йенском университете, затем преподавал в Петербургской гимназии, в 1811 г. был принят в Педагогический институт без жалования, но в 1815 г. избран ординарным профессором в виду преобразования Института [9, л. 3, 5, 9]. С 1828 по 1845 г. Миддендорф был директором Главного педагогического института при университете. К прибалтийским немцам относится В. Шнейдер, уроженец Ревеля, воспитанник Дерптского университета, который до 1822 г. преподавал в Московском университете, затем был принят в Петербургский, сначала экстраординарным, потом ординарным профессором римского права. К этой группе принадлежит и Е.А. Энгельгардт, уроженец Риги, не имевший университетского образования, просвещенный энтузиаст, который был директором Педагогического института в 1811–1817 годах.

В эту группу можно включить и тех, кто окончил Дерптский университет или учился в нем, затем мигрировал в Петербург, среди них Александр Постельс, который студентом перевелся из Дерпта в Петербургский университет, стал экстраординарным профессором минералогии, а также Э.Х. Ленц, о котором речь пойдет ниже.

К *третьей группе* немцев-профессоров относятся непосредственно приглашенные из-за границы обладатели ученых степеней, такие как Лаврентий Панснер, питомец Венского университета, картограф, в 1819–1822 гг. – профессор минералогии Петербургского университета. Как правило, иностранцы приглашались в моменты «трансформаций» университета в Петербурге, в 1803, 1816, 1819 гг., но весьма избирательно.

В попечительство С.С. Уварова (1811–1821 гг.) происходило общее укрепление корпорации. В 1811–1812 гг. из-за границы вернулись 12 профессорских стипендиатов из первых выпусков Педагогического института (все они были уроженцами центральных губерний). Несмотря на это в 1811 г. «во уважение необходимой надобности» в штат были добавле-

ны «особенные профессора греческой и латинской словесности». Для преподавания греческой словесности был приглашен из Харьковского университета ординарный проф. Белен де Баллю. В 1810-х гг. состав профессорской корпорации дополнили Э. Раупах, Г. Гедике, Ф. Грефе, Ф. Миддендорф, учителя языков Тилло, Перро (французского), Полнер (английского), Шелер (немецкого), Марокетти и Манцини (итальянского).

С открытием кафедр восточных языков в Петербург были приглашены по рекомендации Сильвестра де Саси молодые французские ученые арабист Ф. Деманж и специалист по персидской словесности Ф. Шармуа. В 1804 г. в немногочисленной профессорской корпорации Педагогического института из 12 профессоров и преподавателей 7 не были русскими [15; 16]. В первый год после преобразования Педагогического института в университет состав профессорской корпорации был следующим. Русских и малороссов было 16, нерусских – 17, всего 33 человека [4, с. 22–24, 28]. То есть корпорация делилась почти пополам.

Среди нерусских, помимо этнических немцев, о которых уже шла речь, можно выделить три группы. Прежде всего, профессора славянского происхождения: уже упомянутые «карпатороссы», первыми приглашенные в университет. Но поскольку М.А. Балугьянский и П.Д. Лодий были питомцами Венского университета, коллеги и студенты могли считать их «немцами» по складу ума, характеру и методам преподавания. Из них Балугьянский долгое время писал официальные бумаги по-французски, Лодий по-немецки. К этой славяно-немецкой группе тяготел и серб Г. Терлаич, приглашенный в 1806 году. Напомним, что у истоков Учительской семинарии стоял ее первый директор серб Ф.И. Янкович де Мириево, приглашенный из Австрии Екатериной II для устройства училищ.

Отдельную группу составляли французы (А. Дегуров, Ф. Деманж, Ф. Шармуа, Я. Баллен де Баллю, учителя языков де ла Молиньер, Перро, Тилло). Среди выходцев из Франции наиболее яркой фигурой является перешедший из Харьковского университета в 1817 г. А.А. Дегуров. Вначале он преподавал только французскую словесность, но после известного «дела профессоров» и увольнения Э. Раупаха принял и кафедру истории. С 1825 г. до вве-

дения в действие нового устава университетов Дегуров трижды становился ректором, преследуя не столько интересы университета, сколько личные выгоды [11; 12; 13].

Третью группу профессоров образуют поляки. Первым этническим поляком можно считать В.Г. Кукольника, уроженца Галиции, который до приезда в Россию печатал свои труды на польском языке и преподавал в польских учебных заведениях. Осип Сенковский, питомец Виленского университета, приглашенный в 1822 г., стоял у истоков петербургского востоковедения. В 1830–1850-е гг. поляков было уже несколько, в том числе окончившие студенты, оставленные при университете и взявшие на себя преподавание польского законовещения и судопроизводства (М. Стасюлевич, К. Спасович).

Корпорация профессоров динамично развивалась вместе с развитием университетской науки и преподавания. В 1818 г. на кафедре восточной словесности практические упражнения со студентами в арабском и персидском языках проводил татарин Джафар Топчибашев. После увольнения Деманжа и Шармуа он остался единственным знатоком восточных языков. Позже в помощь ему был приглашен из Казани Мирза Казем-бек, выходец из Персии.

Конфликты между представителями разных групп внутри корпорации были редки и не выходили за рамки профессиональных. Так, в 1812 г. возникли разногласия между профессорами Е.Ф. Зябловским и П.Д. Лодием по поводу преждевременного, как казалось Лодию, зачисления ученика Зябловского К.И. Арсеньева в адъюнкты, поручения ему лекций и представления к чину титулярного советника. (Предмет их разногласий, К.И. Арсеньев, впрочем, вскоре получит заслуженное признание как ученый и преподаватель.) Конференция, рассматривая дело, нашла, что «виною такого неприятного случая» было то, что Лодий и Зябловский «неравнодушно приняли личные между собой объяснения». Само дело о замещении лекций было вскоре улажено, но личная обида между профессорами осталась [20].

В отношении профессоров-иностранцев с местной средой также был заложен конфликт, хотя правительство стремилось его минимизировать, создав приезжим идеальные условия для работы и жизни. Конфликт лежал вне научно-учебной, религиозной или языковой сферы (хотя

многим приглашенным профессорам было трудно объясняться со студентами). Он заключался в том, что представления приезжих, европейцев по своей ментальности, получивших в европейских университетах представления о корпоративных традициях и правах, расходились с понятиями и опытом профессоров местных, воспитанных в стенах училища Академии наук или Учительской семинарии. Иллюзии приезжих в отношении близости режима новых российских университетов и их германских прообразов наталкивались на ежедневное отступление от декларированных принципов автономии.

Первым серьезным конфликтом на этой почве стали выборы ректора в 1819 году. При первом голосовании поданные голоса разделились поровну между Э. Раупахом и М.А. Балугьянским. Ввиду отсутствия устава университета попечитель составил инструкцию о выборах, которая в этой ситуации предусматривала «баллотировку жребием». Жребий выпал на Раупаха. Но кандидатура немца, лишь недавно занявшего кафедру, не устраивала министра А.Н. Голицына и императора. Под давлением министра в начале нового академического года были организованы повторные выборы, и перевес голосов, по умолчанию, оказался на стороне Балугьянского, как человека, более удобного власти (он уже тогда был привлечен к работам по кодификации в Комиссии составления законов) [18].

Но самым острым конфликтом, намеренно построенным на столкновении национальных групп внутри корпорации, стало известное «дело профессоров» (1821). Мотивы «суда» над профессорами и связь его с наступлением идеологической реакции достаточно известны. Важно, что во время трехдневного «судилища», запротоколированного не только его организатором Д.П. Руничем, но и адъюнктом М.Г. Плисовым, администрация (попечитель Рунич и директор Университета Д.А. Кавелин) намеренно сталкивала профессоров, запугивала, провоцировала, чтобы получить больше компрометирующих материалов. Помимо четверых первоначально обвиненных Галича, Раупаха, Арсеньева и Германа (двух немцев и двух русских) это «судилище» сломало карьеру Деманжа и Шармуа в России, ухудшило положение М.А. Балугьянского и Лодия, попытавшихся защитить хотя бы форму беспристрастного расследования. Поведение профессоров, отраженное протоколами, обнажает подлинный

конфликт ментальной и правовой идентичности [2]. Отметим, что среди русских профессоров (правда, имевших опыт обучения в Европе) нашлись люди, способные мыслить не сервильно (Д.С. Чижов, М.Г. Плисов), а среди иностранцев – покорно подыгрывающие власти и выходящие из рамок профессиональной этики (А.А. Дегуров). В «деле профессоров» наглядно проявился конфликт традиций университетской корпоративности и российской традиции подчинения.

Итогом «дела профессоров» стало удаление из университета всех четверых подсудимых, высылка Э. Раупаха, обвиненного в «вольномудстве и безбожии», из России, увольнение М.А. Балугьянского от ректорства. После этих событий, по воспоминаниям студентов той поры П. Савельева и А. Никитенко, «немецкая фракция» профессоров держалась замкнуто, избегая контактов с остальными и не допуская других в свой круг [13, с. XIV]. Это затрудняло адаптацию новых преподавателей, затрудняло сам учебный процесс и подготовку национальной смены приглашенным профессорам.

В 1840-х гг. среди профессоров-немцев появились «космополиты», для которых граница между миром российской и европейской науки стирается. Ярким примером является Э.Х. Ленц, уроженец Дерпта, учившийся в Дерптском университете у Ф.И. Гизе и Г.Ф. Паррота. Еще студентом он был отправлен с кругосветной экспедицией О.Е. Коцебу. По итогам физических наблюдений в этой экспедиции в 1827 г. Ленц защитил в Гейдельберге докторскую диссертацию и вскоре был приглашен в Академию наук. В 1834 г. он становится профессором Петербургского университета, деканом физико-математического отделения философского факультета, а в 1863 г. избирается ректором.

Подводя некоторые итоги, можно констатировать, что внутри профессорской корпорации Петербургского университета не отмечается обособления немецких профессоров, как это было в Казанском или Московском университете в 1800–1820-х гг. или в Академическом университете в середине XVIII века. Почти все приглашенные профессора-иностранцы органично и быстро встраивались в систему отношений внутри университета. В 1820–1830-х гг. прекращаются приглашения профессоров из университетов Германии, но сохраняются профессорские миграции из Дерптского университета.

Можно говорить о более пестром составе профессорской корпорации в Петербурге, чем в других университетах. Численно в ее нерусской половине преобладали этнические немцы, но эта часть сама по себе не была монолитна. При определении происхождения петербургских профессоров понятия «немец» и «иностранец» не синонимичны, в отличие от представителей других университетов. Заметное влияние приглашенных профессоров на учебный процесс чувствовалось до начала 1820-х годов.

Приглашенные профессора, даже имея дополнительную должность в системе высших административных учреждений, оставались в невысоких чинах. Это положение долго оставляло их на периферии петербургского общества. Процесс социальной адаптации приглашенных профессоров в провинциальных университетах шел гораздо быстрее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при поддержке проекта «Столичный университет в фокусе государственной политики России (1819–1917)» Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (Мероприятие 1.2.2), ГК № 14.740.11.1112.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева, Н. С. Прибалтийские немцы – профессора Петербургского университета первой половины XIX в. / Н. С. Андреева // Немцы и развитие образования в России. – СПб., 1998. – С. 80–87.

2. Дело о Санкт-Петербургском университете. Краткая записка об общем собрании Императорского С.-Петербургского университета 3, 4 и 7-го числа ноября сего 1821 г. – М., 1866.

3. Костина, Т. В. Мир университетского профессора Казани. 1804–1863 : дис. ... канд. ист. наук / Т. В. Костина. – Казань, 2007.

4. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1 : 1819–1835. – Пг., 1919.

5. Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX вв.) : сб. ст. – Варшава : Urowszechniannie Nauki – Oświata, 1995.

6. РГИА. – Ф. 732. – Оп. 1. – Д. 1.

7. РГИА. – Ф. 732. – Оп. 1. – Д. 77.

8. РГИА. – Ф. 732. – Оп. 1. – Д. 114.

9. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 2. – Д. 53.

10. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 20. – Д. 160.

11. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 20. – Д. 187.

12. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 22. – Д. 60.

13. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 49. – Д. 80.

14. Савельев, П. О жизни и трудах О.И. Сенковского / П. Савельев // Сенковский, О. И. Собр. соч. : в 9 т. / О. И. Сенковский. – СПб., 1858. – Т. 1.

15. ЦГИА СПб. – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 1: Об образовании Педагогического института.

16. ЦГИА СПб. – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 281: Формулярные списки профессоров. 1807.

17. ЦГИА СПб. – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 1811.

18. ЦГИА СПб. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 73.

19. ЦГИА СПб. – Ф. 139. – Оп. 1. – Д. 178.

20. ЦГИА СПб. – Ф. 139. – Оп. 1. – Д. 868:

О неудовольствии между профессорами Лодием и Ябловским.

21. Kassow, S. D. Students, Professors and the State in Tsarist Russia / S. D. Kassow. – Berkeley ; Los Angeles ; L., 1989.

22. Maurer, T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. – Kцln ; Weimar ; Wien, 1998.

NATIONAL GROUPS AMONG PROFESSORS OF THE SAINT-PETERSBURG UNIVERSITY IN THE EARLY 19th CENTURY

T.N. Zhukovskaya

The results of investigations open a more mixed composition of the professorial corporation at St. Petersburg University than at other universities. The ethnic Germans were the predominant but not a monolithic group among the foreign professors. The German professors included the representatives of different groups, i.e. the Ostsee Germans graduated Dorpat University, the Carpatho-Rusyns invited from the Austrian Empire and the offsprings of St Petersburg Germans. There were just few conflicts between different groups of professors; we could name the professional controversy.

Key words: *Saint-Petersburg University, professors, national groups among corporation, the invitation of foreigners.*